

Борис ШАЛАГИНОВ
АРОМАТ ВЛАСТИ И АРОМАТ РАБСТВА.
РАЗМЫШЛЕНИЯ К ЮБИЛЕЮ РОМАНА ПАТРИКА ЗЮСКИНДА

Источник: © Борис Шалагинов. Аромат власти і аромат рабства. Роздуми до ювілею роману Патрика Зюскинда.— Всесвіт: Журнал іноземної літератури.— 2015, № 1-2.— С. 222-229.

Ведь поэт ни на что не годен, ни в какой беде он не помощник, и слушают его лишь тогда, когда он мир приукрашивает, а отнюдь не тогда, когда изображает мир таким, каков он есть.

Герман Брох. «Смерть Вергилия»¹

1.

30 лет тому назад в издательстве «Диоген» вышло повествование немецкого писателя Патрика Зюскинда о некоем таинственном изобретателе ароматов, имя которого — Жан-Батист Гренуй (Grenouille) — «было предано забвению»², хотя автор и установил со всей скрупулёзностью точные даты его жизни: 17 июля 1738 г. по 25 июня 1767 г. Европейская литература богата биографическими мистификациями, и немецкая в частности; вспомним хотя бы «автобиографию» немецкого простолюдина И.-Г. Заксе, напечатанную И. В. Гёте под названием «Немецкий Жиль Блаз!» После узнавания самых достоверных обстоятельств, представленных в самых реалистических деталях, читателю не остаётся ничего иного, как поверить в существование самого героя, неважно, — существовал ли он на самом деле, как в произведении Гёте, или *мог существовать*, как у Зюскинда. Ведь жизнь последнего, как объяснил писатель, была связана именно с той областью, «которая не оставляет в истории никаких следов: эфемерным миром запахов».

«Немецкий Жиль Блаз» — не только биография, но и модель специфического героя и специфического типа повествования, уходящего корнями ещё в репертуар средневековых гисторионов, сформировавшегося в век Барокко и благополучно дожившего до середины XX века («Признания авантюриста Феликса Крулля» Т. Манна). В соответствии с законами этого жанра, в книге П. Зюскинда перед нами представлен образ отщепенца, которого общество с самого рождения лишило имущества, прав и внимания и даже внешнего благообразия, и который, чтобы выжить, должен добывать всё это для себя, опираясь лишь на внутренние силы своего тела и своего духа. А силы эти поистине незаурядные!

Угадываются две фигуры, над которыми усиленно размышляет автор на протяжении всей книги: Иммануил Кант и Фридрих Ницше. Человек может быть случайно заброшен в этот мир, быть в нём нежеланным гостем; но если уж это произошло, то всё равно природа наделила его чувствительнейшим и надёжнейшим психическим механизмом для жизненного существования (Кант) и необходимой волей для жизненной борьбы (Ницше).

XVIII век, избранный автором в качестве исторического фона, отказался от тушиковой дискуссии предшествующей эпохи барокко о том, что *мешает* человеку быть воплощённым подобием божества на земле, и сосредоточилось на вопросе, что *позволяет*

¹ Перевод Юрия Архипова.

² «Аромат. История одного убийцы» П. Зюскинда цитируется в переводе О. Дрожжина по изданию: *Зюскинд П. Избранное* / Пер. с нем. — Киев: «Фита», 1995.— С. 5 – 272.

ему быть в полной мере человеком — господином своих жизненных планов. Так возникла концепция просветительского разума. Нередко сомнительным результатом Просвещения считают обоснование некоего плоского, отвлечённого «разума», игнорирующего, якобы, разнообразие внутреннего мира человека. Это не так. Просвещение, усиленно изучая свойства и возможности разума, прошло этот путь до логического конца, вплоть до «Феноменологии духа» и «Философии религии» Ф. Г. Гегеля. Оно не только включило в свой концепт разума многое из мистических учений предшествующего времени, но и взяло из своей собственной, буржуазной, эпохи то обстоятельство, что «разум» может быть не только возвышенным, «божественным», но и низким, эгоистическим, лицемерным, преступным, утилитарным. Ещё Кант вынужден был резкой черой разделить рассудок — *Verstand*, по сути буржуазный здравый смысл, за которым он и оставил всё разнообразие разума «для выживания и приспособления»; и *Vernunft* — разум возвышенный, идущий от Бога и восходящий к Богу. В том рассудке, который верно служил Робинзону Крузо, помогая выжить на необитаемом острове и даже чувствовать себя вполне счастливым, автор другой истории — о Гулливере, обнаружил необъяснимые парадоксы, делающие смешным или даже отравляющие жизнь существ, «разумом похожих на ангела» (Шекспир). Разум, уже изрядно обросший предрассудками и готовыми формулами (иначе как прикажете пользоваться им в буржуазной среде?), был всесторонне изучен Вольтером. Наконец, пример ловкого и прагматичного буржуазного приспособленца, виртуозно пользующегося «разумом» во всех его ипостасях утилитарности, воплотил Дени Дидро в образе племянника Рамо. Этот социальный изгой, очевидно, и дал повод Ницше придумать новое философское понятие — *ressentiment*: обострённое чувство неприязни, порождённое завистью к тому социальному слою, в который жаждут всеми фибрами души попасть, но который всеми же фибрами души и ненавидят! В этом обновлённом типе Жиль Блаза, собственно, на его родной, французской почве, мы и находим новое свойство «разума», открытого просветителями: чтобы самоутвердиться, лицо должно обладать недюжинным разумом и способностями к многообразным внутренним превращениям и маскировке; но это возможно в окружении лиц, начисто лишённых способности разумно анализировать окружающую жизнь. Разум утверждает себя лишь при условии отсутствия разума у окружающих!

На наш взгляд, Жан-Батист Гренуй в известной мере и является продолжением этой галереи типов, порождённых далёким XVIII веком, но оказавшихся столь живучими в преддверии постмодерной эпохи, когда и был создан писателем.

Конечно, мимикрия Рамо не идёт ни в какое сравнение с даром приспособленчества у Гренуя. Рамо, по сравнению с ним, почти по-постмодерному играет своими талантами; ему самому нравится представлять каждый раз в новой маске-личине, и он делает это с особым артистизмом, не упуская, конечно, из виду главную цель — закрепиться в жизни. Правда, чтобы читатель не заблудился в этой игре и случайно не увлёкся ею (ведь оказалось, что и проходимец может иметь своё скромное обаяние!), тут был выведен надёжный поводырь — сам автор с трезвыми суждениями и оценками; а это уже не по-постмодерному! Гренуй же, хоть и научился «примирять» на себя разные запахи, а значит — и «имиджи», далеко не игрок, артистизма в нём нет, он не умеет эффектно, как Рамо, пускать пыль в глаза; но и цели его намного существенней. Он стремится не только закрепить для себя место под солнцем, о чём повествует вся первая половина книги; со временем он убеждается, что абсолютно надёжно сделать это можно лишь при одном условии — подчинив себе с помощью своего изобретательного ума массу, не обладающую способностью к трезвому уму. Аромат, мир запахов, доступный только его гениальному обонянию, ставит его в исключительные условия по сравнению с человеческой массой. Само орудие власти предполагает, что масса об этом орудии ничего не знает («подопытному кролику нет нужды знать законы биологии» — Б. Брехт)! В этом и

заключается главное условие власти: воздействовать на ту область психики, на которую разум не может претендовать и где его никогда не может быть.

Патрик Зюскинд делает парадоксальное открытие: для того, чтобы существовала эта *новая* разновидность разума, необходимо также наличие людей... лишённых разума! И неважно, что лицо, обладающее таким «разумом», он помещает в XVIII век, рядом с родственным ему племянником Рамо; такой тип характерен всё же для XX века! А короткий пока ещё XXI век уже успел придумать и вовсе новое понятие: *технология* — способ воздействия на человеческие желания и поступки, без того, чтобы сам реципиент мог этот способ заметить и осмыслить, а значит, и сознательно противодействовать ему. Вся книга — это одна развёрнутая история того, как изобреталась технология воздействия на неконтролируемую для разума психику, от самого зарождения до конечного результата³. И совсем неважно, что всё получилось немного не так, как хотелось Греную. Ведь технология была найдена! Она работала! Её можно было использовать!

2.

Зюскинд подхватывает на новом историческом уровне полемику об аффектах — тех сильных эмоционально-психических переживаниях, которые вытесняют любое рациональное начало, рефлексию и здравый смысл. Пробудить аффект и умело направить его означает уже наполовину подчинить себе человека. Мефистофель знал, что, влияя на аффекты и вкусы Фауста, он мог бы, не задевая сознания, влиять на его *волю*. Сосредоточенность на теме аффекта ярко характеризует Зюскинда именно как *немецкого* писателя. Немецкая литература и философия (Лютер, Винкельман, Лессинг, Гёте, Клейст и др.) всегда рассматривали аффекты с точки зрения их угрозы для человека. Человеку следовало научиться усмирять собственные аффекты посредством рассудка. Такое усмирение Гёте, Шиллер и др. называли облагораживанием, «гуманизацией» аффекта. Однако уже на закате раннего романтизма Г. фон Клейст показал в своих драмах, что гуманизация аффекта — не такая простая задача. Сама природа, сама нестойкая душа человека сопротивляется таким попыткам.

Учение Ницше было, наверное, последней патетичной проповедью, призывавшей дух упорно сопротивляться аффектам, во власти которых над человеком он видел опасность духовного рабства. Впрочем, он не скрывал сомнений, захочет ли буржуазный обыватель бороться за независимость своего духа против неосознанных и тёмных, но таких сладких и соблазнительных чувственных искушений! Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг утверждали, что бессознательное имеет исключительно сильную власть над человеком, поэтому человек является безвольным рабом всего тёмного и бессознательного в своей душе. Эта мутная стихия будто бы непреодолима, поскольку идёт от того первобытного начала, победить которое цивилизация не в силах.

Тема адресно направленного аффекта имеет также социальное, политическое значение. Распространено мнение, что постмодерн ставит под сомнение возможность рационального и целостного объяснения мира. Вместо единой картины мира для постмодерна существует многообразие «версий и вариантов» реальности. И одна из причин — сложность чувственной стороны человеческой природы, до конца не поддающейся рациональному пониманию. Поэтому наиболее адекватно постичь реальность возможно не с помощью точных методов, не рационально, а лишь интуитивно, ассоциативно, метафорично, мистично, через эмоциональное внушение. При чтении же книги Зюскинда читатель наоборот утверждает в мысли, что в последние десятилетия ещё более *рационализировалось* познание мира, и человек научился

³ См. интересное исследование: Риндисбахер, Ханс Д. От запаха к слову: Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Иностранная литература, 2001, № 7.

системно представлять себе сложнейшие, хаотические процессы в материи, в обществе, в психике и в коммуникации. Но главное — научился использовать эти открытия не только на благо общества, но и для тотального контроля над ним.

Гренуй — продукт второй половины XX в., и его отличие от истинных детей XVIII в. (таких, как Казанова, Калиостро, Сен-Жермен...), не только в том, что он свободен от собственных аффектов, но и научился рационально и системно проникать в тайны чувственности, в частности неосознанной власти ароматов над человеческой душой. И консул города Грас Антуан Риши правильно догадался, что неизвестный убийца обладал «никак не деструктивным умом, а старательно собирающим» и что все его действия выдавали «почти математически (*beinahe ökonomisch*) спланированный умысел». Действительно, Гренуй со временем научился уже не просто на основе интуиции составлять свои ароматы, а разрабатывать их строго рационально, как архитектор возводит свои сооружения: «дома, стены, ступени, башни, подвалы, комнаты, тайные покои (словом, всю) внутреннюю крепость великолепнейших композиций ароматов».

Мы считаем, что Зюскинда в момент системного кризиса западного общества точно угадал главные изменения технологии влияния на массу. Отныне такое влияние зависит не от применения грубой физической силы, политического принуждения или политической слежки, а как бы от добровольного выбора самого человека в пользу того, что доставляет его чувствам непосредственное удовольствие. Задача политика — умело навязать этот выбор, усыпивши разум, и сформировать механизм удовольствия, отключив контроль со стороны рассудка. Выражаясь метафорично — создать такой «аромат», за которым человек послушно последует в добровольное рабство.

3.

Теперь обратимся к Ницше. Целеустремлённость, с которой герой Зюскинда добивается своей цели, его аскетизм, пренебрежение к внешнему комфорту и удобствам, умение терпеть страдания и лишения, волевые качества вызывают определённое уважение. И в этом чувстве, которое читатель никак не может отрицать в себе, следует разобраться. Мы тут невольно преклоняемся перед *личностью*; хотя что может быть парадоксальней сочетания ничтожества героя, которое автор не устаёт подчёркивать то сравнением его с клещом, то описанием его нескладной внешности и ужасающего косноязычия (на протяжении всей книги минимум диалогов и почти ни одного монолога героя!); итак, ничтожества и — всё-таки! — определённой *внутренней силы* личности! А это уже выводит героя за рамки типологии плута и авантюриста.

XIX век поставил ребром вопрос о «должном существовании» и внесловном достоинстве человека⁴. Но уже во второй половине века Ницше с сожалением и сарказмом констатировал, что современному буржуазному обывателю не хватает «воли к жизни», воли к самоутверждению, которую он назвал «*Wille zur Macht*». Отсюда презрение философа к представителям так называемой высшей культуры с их метафизическими суррогатами «мышлениями» и эстетическими суррогатами «воли». Его симпатия всецело принадлежала инстинкту органического существования — пусть и преступным, но внутренне цельным личностям, таким, например, как наделённый «дьявольской гениальностью» (В. Дильтей) Чезаре Борджа. Это были люди, готовые к жизненной борьбе и передававшие самой жизни импульсы для её продолжения и существования. Ведь в той же мере, в какой мир страдает от насилия, он страдает и от размягчения духа и немощности воли! Таков был приговор Ницше своему веку буржуазной посредственности.

⁴ Подробней см. в: Шалагінов Б. Б. Класики і романтики: Штудії з історії німецької літератури XVIII-XIX століть.— К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2013.— 440 с.

Реальный Борджа, по свидетельству современников, совсем не удовольствия искал в многочисленных убийствах; это был холодный и последовательный политический прагматик. Гренуй столь же прагматично предан своей идее, поэтому автор подчёркивает холодную деловитость, но никак не извращённый садизм в его 25 убийствах. Как в эпоху Возрождения, согласно пониманию Ф. Ницше и его учителя Я. Буркхардта, так и в романе Зюскинда — перед нами *индивидуалист*, взваливший на свои плечи непосильный труд подчинения своей воле ни много ни мало — *всей* человеческой массы (а его метод по своей природе и не допускал частичности или исключений!). Поистине, задача для «сверхчеловека»! Поэтому неявное сочувствие читателя этому герою имеет своё объяснение.

Но существует и существенное отличие. Реальный Борджа бросал вызов, как правило, весьма достойным и равносильным противникам, поэтому его личность мы воспринимаем одновременно и как преступную, и как героическую и даже трагическую. То же самое мы можем сказать о другом любимом герое Ницше — Ричарде III, уродливый горб которого в изображении Шекспира усиливал его трагический и героический имидж. А вот внешне уродливому и неказистому Греную противостоит мягкотелое и светлое общество, для которого Ницше нашёл французское словечко *décadence*, а Макс Нордау — «вырождение», и которое ещё раньше многократно заклеямили Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллер, Ф. Шлегель, Р. Вагнер, а после Ницше — О. Шпенглер, О. Вейнингер, Т. Манн... Для такого общества «распада, растрепанности духовного и политического, и религиозного болота», как характеризует его роман, согдится индивидуалист не столь демоничный, как Борджа, то есть преступный, но никак уж не героичный и вряд ли трагичный. Деградированное общество, в котором он действует, отнимает у Гренуя ореол трагического героя.

Заслуживает отдельного внимания эпизод о пребывании нашего героя в кальдере вулкана Плон-дю-Канталь. В эти семь лет он пережил внутренний перелом и сделал открытие: запах из цели должен превратиться в средство, с помощью которого он не просто отвоюет себе место среди людей, а подчинит их себе! Цель же — это он сам, который должен утвердить себя даже не среди людей, а через посредство самих людей — *над людьми!*

Что ж касается самих людей, то...: «Что мне до базара и толпы, до шума толпы?..» — Мы ведь все равны перед Богом! — «Но Бог умер, хотите быть равными перед толпой?» — Нет! Толпа — это когда кроме неё есть ещё *не* толпа, «высшие люди»; пусть они уйдут прочь, и толпа перестанет быть толпой! — «Пусть так, но и эти высшие люди все вместе... они *пахнут* не хорошо»⁵. И, выйдя наружу, Заратустра вдыхал чистый воздух, в котором уже не было никаких человеческих запахов.

Это место у Ницше, на наш взгляд, могло стать исходной точкой для всего замысла романа Зюскинда. Гренуй создаёт в своём воображении «империю», где нет людей, но есть лишь «благородные ароматы»! Поскольку «Бог умер», то запах Бога тоже отвергается. Запах ещё хуже — «возвышенно-потный», «вызывающий тошноту» — исходил от верующих в соборе. Гренуй людей ненавидит. Итак, остаётся проблема, как встать *над* человеком, проблема, которую Заратустра выразил словами: «Как *превозмоги* человека?»⁶

Приведённый нами выше эпизод из «Заратустры» был прочитан разными мыслителями по-разному, в частности, Т. Манном в повести «Избранник», на которого сам Зюскинд указывает рядом текстуальных совпадений. Итак, будущий понтифик Григориус проводит в одиночестве несколько лет на вершине горы, поддерживая свои

⁵ Курсив Ф. Ницше.

⁶ «Так сказал Заратустра» Ф. Ницше цитируется в переводе Ю. М. Антоновского.

силы влагой, точащейся из скалы, и приходит к внутреннему очищению. Оставив в прошлом наитягчайшие свои грехи, он приобщается отныне к высшей земной мудрости. Он не отбросил, не отверг человеческое, но «превозмог» его тем, что познал нетленную, скрытую природу всего сущего, научился распознавать за внешними проявлениями мира его бесконечную сущность, благо которой в том, что она дарует жизнь и её вечное продолжение. Т. Манн тут последовательно выступает против сведения человеческого на идеальное, метафизически абстрактное или схоластично-формальное. Напомним иронические слова Заратустры: «Всё *не*преходящее – только символ» (то есть симулякр, как сейчас бы выразились). Т. Манн, как и великий творец «Фауста», изображает жизнь как мистерию существования, влекущую человека через разнообразные тяжёлые испытания, но приводящие его, в соответствии с учением Канта, к познанию главного предназначения — совершенствованию культуры.

У Манна Григоринус прощается со всем бренным и возвышается до вечного и духовного; у Зюскинда Гренуй прощается со всем человеческим, с человеческой теплотой; ведь людей он давно уже «всем сердцем презирает, потому что они были до воню глупыми». Не случайно ли всплывает в памяти ещё один такой манновский отшельник – Адриан Леверкюн, высокомерно и насмешливо назвавший всё человеческое «шарным теплом стойла» и тоже укrywшийся от него в холодный рационализм сериальной музыки, которую вдали же от мира и людей вымучивал своим рассудком?

Однако всех трёх «сверхчеловеков» — Заратустру, Григоринуса и Леверкюна — сближает одно общее: бескорыстность стремлений. Все трое одолели подъём в чистые горные сферы «метафизики» морали, веры и искусства и тем самым укрепили свои внутренние силы; Гренуй же как «сверхчеловек» — прагматик и утилитарист, а его «преодоление человека» заключается в высокомерно и дерзком самовозвеличении над человеческим.

Зюскинд отразил новое для позднего модерна явление: личная одарённость, творческая исключительность, гениальность следуют не по тому вектору, который был предопределён всей классической философией, а именно — вектору бесконечного индивидуального развития, который одновременно обогащает и *всю* культуру. Теперь человек всеми силами стремится свою одарённость прежде всего конвертировать в прибыль, выгоду, звонкую монету. И самая высшая цель — это *конвертация во власть*. Индивидуальный дар природы отчуждается от самого человека и используется им с целью наивыгоднейшей капитализации. И самая надёжная область, где исчезает вся конкуренция, как и все опасности для личного благополучия, — это власть. В буржуазном обществе человек — от самой ничтожной до самой высокой социальной ступени — проникается убеждённо, что только там, и нигде иначе, он может чувствовать себя в абсолютной безопасности. Конвертация индивидуального природного дара в прибыль распространяется на те области, которые имеют наиболее успешный рыночный сбыт. На первых местах находится всё, что связано с *принципом удовольствия* (З. Фрейд). Но, понятно, не духовного наслаждения, а чувственных удовольствий, таких, как демонстрация обнажённого женского тела, эротическая самопрезентация и т. п. Правда, тут необходима публика, человеческая «масса» с весьма специфическими запросами. Но она уже создана! Её уже подробно описал тот же Ницше, только с тех пор она стала ещё более податливой, аморальной и жадной на чувственные удовольствия. У Зюскинда эта толпа готова своего кумира «любить до безумия, до самопожертвования <...> дрожать от восторга, кричать, плакать от умиления, *не зная почему*...». И, добавим от себя, восхищаться им как успешным бизнесменом, стремиться подражать его деловитости, везучести, хитрости, упорству, подлости, аморальности, потому что всё это ведёт к цели, которую отныне подавляющее большинство («масса») считает наивысшей, — к коммерческому успеху!

Так образ Гренуя сигнализировал, что в конце XX века оформилась новая концепция «сверхчеловека»: вместо всесторонности личности — «фрагментарность» (Шиллер) и «одномерность» (Маркузе), вместо чувствительности и отзывчивости на все проявления мира и человеческой природы — узкая векторность интересов и крайняя специализация способностей. И всё наделено сверхсилой, сверхнапряжением, сверхволей, сверхнастырливостью, *сверхаморальностью*, отчего всё становится чрезвычайно страшным и опасным для культуры!

4.

Что же означает финал всего произведения? Тривиальный «хэппи-энд», когда справедливость торжествует и зло наказано?

Патрик Зюскинд выступает в своём романе как продолжатель гуманистической немецкой традиции. Как гуманиста его интересует конструктивная сила человеческого сознания; но как модерниста — интересует с её *тёмной* стороны. Не сдерживаемая разумом воля может разрушить морально и психически своего хозяина. Мысль, не сдерживаемая моральной ответственностью, может принести вред человечеству. Рационализм, подчинённый преступным планам, может быть использован против культуры. На эту тему мы находим предостережения у писателей-фантастов и «антиутопистов» XX в. Зюскинд в своём романе продолжает линию «литературы предостережения». Личности Гренуя присуща «фрагментарность» (Шиллер), доведённая до психопатичности. Его собственное тело изображается как чрезмерно перегруженный орган за счёт односторонне развитой обонятельной чувствительности во вред всем другим жизненным функциям организма. *Такая* психика, получивши в своё распоряжение государственную власть, просто не смогла б ни удержать её, ни просто выдержать. По концепции писателя, главным просчётом будущего диктатора стало то, что, будучи сам агрессивным психопатом, он стремился покорить своей односторонности всю реальность вокруг себя, а значит — превратить в психопатов всё общество. Вероятно, можно *до поры до времени* управлять психопатичным обществом, умело влияя на его аффекты; однако *развиваться* такое общество не может!

Сравнительно с реальными диктаторами XX века, которым современные исследователи уже не отказывают в незаурядности не только умственной, но и чисто человеческой, Гренуя воплощает голое, чистое влечение к власти без каких-либо внутренних прав на неё. Ему не достаёт масштабности, внутреннего величия, кругозора, присущих классическому властителю. У него нет, собственно говоря, самой *идеологии*. Автор пишет, что герой просто не воспринимал понятия, лишённые запаха: «Бог, право, совесть, ответственность, благодарность» и т. п. идеальные, то есть смыслообразующие понятия. Он не имел «чести, не верил ни в святых, ни даже в святую душу своей матери». Перед нами диктатор без психологических задатков для этого, диктатор из чувства социальной мести, чистое воплощение «*ressentiment*».

Трагедии общества минувшего XX века заключались в том, что вершины власти захватывали преступники всё-таки масштабного уровня; Зюскинд накануне XXI столетия обращает внимание на то, что высшее лицо, правитель может внутренне не отвечать своей высокой миссии; он может получить власть не как награду, а в результате чистой технологии, так сказать технического опыта над человеческой массой. И претендовать на высшую сласть отныне может каждый желающий, и получать — каждый, кому это удастся.

Однако Зюскинд показывает, что трагедия общества уже наших дней заключается также в том, что само общество может и не догадываться о трагичности собственного социального и политического положения. Оно идёт на самоубийство с радостной улыбкой, охваченное оргиастическим чувством собственного желания. Суть новой политтехнологии, которую тут проникновенно угадал Зюскинд, собственно, и заключа-

ется в том, чтобы поддерживать в «человеке масс» чувство «оргазма» как высшей жизненной ценности. Оргазм утверждает себя в противовес рациональному началу психики. «Аромат проникает глубже всего, прямо в сердце», пишет автор; «кто владеет запахами, тот владеет сердцами людей».

История подтвердила, что влияние на иррациональную, вне-интеллектуальную сферу человеческой жизни составляет основу новейшей «идеологии» на рубеже XX-XXI вв. Человек во власти аффектов становится рабом, но — рабом «по собственному выбору».

И, наконец, последнее. Классическая философия билась над вопросом, как облагородить человеческую природу, сделать человека восприимчивым к высоким идеям, научить его формулировать высшие жизненные цели ради выживания культуры; в этом, собственно, и заключалась задача правителя и государства в целом. Постмодерн зафиксировал полную смену ценностей и целеполагания. Высшей целью сейчас провозглашена власть-как-таковая, власть-как-разновидность-бизнеса, власть-как-надёжнейшее-пристанище-в-жизни. А средством её достижения стала толпа, находящаяся под влиянием «инстинкта удовольствия». Да, это уже не то грубое средневековое варварство; оно уже не имеет того отвратительного запаха, тянущего на рвоту; оно уже обзавелось вполне изысканным ароматом. Это уже, по словам Томаса Манна, «окультуренное варварство»!

Однако интеллект, чувства, мораль, красота — это высшие ценности цивилизации; и человек не может просто так, безнаказанно и высокомерно, «капитализировать» их ради индивидуальной прибыли. *Природа* не может вынести этого, она оказывает сопротивление ради собственного самосохранения и развития. Жан-Батист Гренуй *должен* был погибнуть, а вся его жизнь — быть преданой забвению.

Перевод с украинского автора.